

DOI: 10.15372/HSS20180409
УДК 930.1(470)"196/199"

Н.Г. КЕДРОВ

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГУЩИН В ДИСКУССИЯХ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1960–1990-х гг.*

Статья посвящена исследованию творческого пути известного российского историка Н.Я. Гущина. Сделана попытка реконструкции позиции, которую Гушин занимал в дискуссиях отечественных историков о коллективизации. В статье отмечается, что в 1960-е гг. Гушин поддерживал тех ученых, которые стремились к пересмотру концепции «Краткого курса истории ВКП(б)». В отличие от знаменитого учебника истории партии, историк рассматривал коллективизацию как часть объективного процесса генезиса советского общества. Эта позиция нашла отражение в кандидатской и докторской диссертациях Н.Я. Гущина, в его книгах, а также рецензиях на труды коллег. Взгляды историка сопоставляются с позициями Ф.С. Пестрикова, Н.А. Ивницкого, И.Я. Трифонова, В.П. Данилова и других исследователей. Автор рассматривает взгляды Гущина в контексте развития аграрной историографии.

Ключевые слова: Н.Я. Гушин, историческая наука, аграрная историография, коллективизация, советская деревня.

N.G. KEDROV

NICKOLAY GUSHCHIN IN DISCUSSIONS ON COLLECTIVIZATION OF 1960–1990S

Article is devoted to research of a creative life of a renowned Russian historian N. Ya. Gushchin. The author reconstructs Gushchin's viewpoints in domestic historians's disputes on collectivization. The author notices that in the 1960s Gushchin supported scientists who tried to revise the concept of "Short Course of VKP(b) history". The historian considered collectivization as a part of objective process of the Soviet society genesis in contrast to the famous textbook on the Communist party history. Gushchin reflected this view in his candidate and doctor dissertations, books, as well as reviews of colleagues' works. The author compares the historian's points of view with works by F. S. Pestrikov, N. A. Ivitsky, I. Ya. Trifonov and other researchers, and considers Gushchin's views in a context of the agrarian historiography development.

Key words: N. Ya. Gushchin, historical science, agrarian historiography, collectivization, Soviet village.

Регионализация историко-аграрных исследований в 2000-е гг. имела свои предпосылки. Еще в советский период в ряде республиканских и областных центров СССР сложились мощные школы историков, специализирующихся на изучении истории сельского хозяйства и крестьянства. Одним из ярких примеров этого явления может быть путь новосибирской школы аграрных исследований, становление которой неразрывно связано с именем Н.Я. Гущина. Следует заметить, что Николаю Яковлевичу повезло: будучи лидером, он при жизни заслужил лестные оценки своих заслуг как ученого и организатора науки со стороны современников. Ученики и коллеги постарались запечатлеть образ видного ученого и неординарного человека [1; 2; 3]. Очерк о нем присутствует в книге В.В. Кондрашина, посвященной персоналиям историков-аграрников

[4]. Тем не менее осмысление жизненного пути и научного творчества Н.Я. Гущина еще далеко от своего завершения. В настоящей статье предпринята попытка реконструировать взгляды Н.Я. Гущина, его позицию в дебатах российских ученых о коллективизации, ставшей основной предметной областью его научных интересов.

В работах учеников и коллег Н.Я. Гущина постепенно стала складываться проблематика, связанная с осмыслением значения и места его научного наследия в дискурсе аграрной историографии. И.С. Кузнецов писал о том, что Николай Яковлевич, не являясь консерваторм, тем не менее в своих научных работах о коллективизации советского периода повторял известную схему «Краткого курса истории ВКП(б)» [1, с. 11; 2, с. 5]. В связи с этим главная заслуга ученого

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

Николай Геннадьевич Кедров – независимый исследователь, канд. ист. наук, e-mail: nk149@yandex.ru.
Nikolay G. Kedrov – independent researcher, candidate of historical sciences.

автору виделась в публикации фактов, которые давали читателю реальное представление о событиях «великого перелома». Иная оценка научных трудов Н.Я. Гущина содержится в статье В.А. Ильиных. По его мнению, работы Н.Я. Гущина соответствовали новому этапу советской историографии и отличались от предложенной «Кратким курсом» концептуальной модели рядом положений [3, с. 14–15]. Для ответа на вопрос об отношении Н.Я. Гущина к концептам сталинской историографии следует обратиться к ранним работам самого историка.

Кандидатская диссертация, защищенная Н.Я. Гущиным в 1954 г. в Ленинградском университете, посвящена истории нэпа. Как и в ряде других работ того времени, в ней присутствовало смешение субъектного и объектного подходов. Следует заметить, что подготовка диссертации осуществлялась в сталинские времена. Тем не менее в этой работе все же имеются некоторые отличия от концепции «Краткого курса». Прежде всего, это отсутствие в автореферате любых упоминаний о Сталине. Но главное отличие заключалось в другом. Если «Краткий курс» объяснял переход к нэпу в первую очередь окончанием Гражданской войны и трудностями текущего времени, то автор диссертации обосновывал его введение действием экономических процессов. По его мнению, поскольку на начало 1920-х гг. ведущим в развитии экономики оставался мелкотоварный уклад, то нэп, таким образом, естественно вытекал из задачи преобразования многоукладной экономики в социалистическую [5]. Несмотря на то, что в самом описании мероприятий партии автор недалеко ушел от сталинского канона, его работа содержала попытку придать рассматриваемым явлениям объективный контекст.

Еще более четко эволюция взглядов Н.Я. Гущина прослеживается по его рецензиям на труды коллег. В частности, он выступил в печати по поводу книги Ю.А. Мошкова «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР» (М., 1966), написанной в годы «оттепели». Об этой книге Н.Я. Гущин отзывался исключительно в положительном ключе. Рецензент подчеркнул всю новизну и оригинальность трактовки зерновой проблемы Ю.А. Мошковым. Н.Я. Гущин писал: «Ему удалось преодолеть утвердившуюся в литературе односторонность в освещении этого вопроса, когда одни авторы все сводят к усилившемуся кулацкому саботажу, другие делают акцент на ошибках отдельных руководящих работников» [6, с. 176]. Можно напомнить, что обе указанные позиции были впервые озвучены в ходе партийной дискуссии о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Автором первой версии был И.В. Сталин, второй – его противники по партийной борьбе. Однако и та, и другая версия причин кризиса сводили к конъюнктурным факторам. Н.Я. Гущин верно заметил, что, в отличие от обоих вариантов ответа на этот вопрос, Ю.А. Мошков выводил предпосылки зерновой проблемы из тенденций экономического развития СССР. Акцентировалось внимание в рецензии

и на ряде других принципиальных для молодого поколения историков-аграрников моментов. Так, подчеркивая тот факт, что необходимость индустриализации привела к перестройке сельского хозяйства, историк тем самым лишний раз актуализировал обсуждаемое в то время положение работ В.П. Данилова об отсутствии материально-технических предпосылок коллективизации. Фиксировалось внимание читателей и на описанных в монографии Ю.А. Мошкова проблемах колхозного строя, таких как отсутствие материальной заинтересованности колхозников и внеэкономические способы эксплуатации их труда. Все это однозначно говорит о том, что рецензент явно поддерживал начатую историками ревизию положений сталинской историографии.

Принципиально другой по своему характеру была коллективная рецензия (Н.Я. Гущин выступал в качестве одного из авторов) на труд Ф.С. Пестрикова «Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя» (Новосибирск, 1966) [7]. Следует заметить, что эта работа была выдержана в «лучших традициях» предшествующего этапа историографии. Рецензенты отмечали, что Ф.С. Пестриков отнюдь не анализирует имеющиеся в его распоряжении местные материалы, а лишь иллюстрирует с их помощью устаревшую общесоюзную схему. Кроме того, автор этой книги оставляет без должного внимания деятельность земельных обществ, партийных ячеек, особенности классовой борьбы в Сибири, приукрашивает результаты коллективизации, а в отдельных случаях (например, в оформлении сносок) проявляет профессиональную безграмотность.

Апологеты «Краткого курса» писали, в свою очередь, отзывы на работы Николая Яковлевича, только посылали их не в редакции журналов, а в партийные кабинеты. Когда в 1969 г. Н.Я. Гущин предложил СО издательства «Наука» рукопись своей монографии «Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне», в Новосибирский обком КПСС поступили сразу две отрицательные рецензии на нее. Их авторами были уже упомянутый Ф.С. Пестриков, работавший тогда в Новосибирской высшей партшколе, и заведующий кафедрой истории КПСС Новосибирского строительного института А.Н. Резниченко. Оба документа в настоящее время опубликованы В.А. Ильиных. Он удачно сгруппировал высказанные в рецензиях критические замечания. В частности, Н.Я. Гущина упрекали: 1) в излишнем внимании к кулачеству; 2) в отсутствии должной критики «правого уклона»; 3) в неверном освещении кооперативного строительства в Сибири; 4) в слабом освещении руководящей роли коммунистической партии; 5) в идейном троцкизме; 6) в том, что автор потакает концепциям «буржуазных фальсификаторов» советской истории [3, с. 15–16]. В этом перечне заметен набор политических ярлыков, с помощью которых традиционно осуществлялась дискредитация оппонента. Однако в обеих рецензиях обращает на себя внимание один общий момент – упрек в методо-

логической несостоятельности работы Н.Я. Гущина. Что же понимали авторы рецензий под методологически правильным раскрытием темы? А.Н. Резниченко сетовал на то, что Н.Я. Гушин описывает коллективизацию «без показа руководящей роли партии, советского государства, ведущей роли рабочего класса в укреплении союза рабочего класса с трудящимися массами крестьян» [3, с. 19]. Еще больше подобных упреков в рецензии Ф.С. Пестрикова. Он был недоволен тем, что процесс расслоения в сибирской деревне в книге у Н.Я. Гущина идет «стихийно», развитие кооперации осуществляется «самотеком», а становление классового самосознания масс происходит без надлежащей организационной работы [3, с. 25–29]. Судя по аргументам рецензентов, в работе историка им не хватало некоего субъекта, абстрактного исторического персонажа, описывать действия которого они привыкли в своих трудах и уже не мыслили иной модели подачи материала. В монографии Н.Я. Гущина в качестве детерминант исторического движения выступали социальные и экономические процессы как таковые. В этом-то, на наш взгляд, и заключалось главное отличие его исследования от работ сталинских времен по коллективизации.

Хотя эти рецензии не повлекли серьезных административных последствий для историка, но издание монографии ему все же пришлось отложить. Книга вышла уже после защиты им докторской диссертации. Она увидела свет в 1972 г. в издательстве Новосибирского университета (была издана в качестве учебного пособия) [8]. К этому времени историографическая ситуация по сравнению с эпохой «оттепели» изменилась. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. произошел ряд событий, существенно повлиявших на расстановку сил в советской исторической науке. В 1967 г. после нескольких обсуждений в отделе науки ЦК КПСС и на Ученом совете Института истории АН СССР был снят с печати подготовленный под руководством В.П. Данилова и содержащий ряд инновационных для того времени оценок первый том «Истории коллективизации сельского хозяйства в СССР». В 1969 г. Л.И. Брежнев с трибуны III Всесоюзного съезда колхозников осудил «любителей преувеличивать» ошибки партии в деле колхозного строительства. Наконец, в 1972 г. было осуждено так называемое новое направление в советской историографии. Однако это были лишь внешние проявления глубинных процессов развития науки. Московский исследователь Н.В. Наумов отмечал, что еще в эпоху «оттепели» сложились два подхода к критике догматики «Краткого курса». Первый из них основывался на программных документах партии и акцентировал внимание на изучении ленинского теоретического наследия, в соответствии с которым и рассматривалось дальнейшее поступательное развитие СССР. Второй подход стремился объяснить закономерности развития советского общества, исходя из экономических и социальных процессов [9, с. 19–20]. Однако если изначально оба они соответствовали курсу на обновление историографии,

то во второй половине 1960-х гг. их пути разошлись. В результате политических и историографических сдвигов, произошедших в это время, в историографии аграрной истории СССР сложились два самостоятельных направления – официальное и альтернативное.

Представители первого в идейном отношении постепенно сближались с консервативными кругами в советской исторической науке, в силу чего 1970-е – первая половина 1980-х гг. стали временем своеобразного ренессанса сталинских оценок. Историки второго направления сосредоточились на изучении частных проблем истории советского общества. Тем не менее в их трудах была представлена, по сути, целостная, отличная от официальной концепция аграрного развития СССР. В идейном отношении, пожалуй, главное отличие этих двух течений заключалось в оценке степени готовности советского общества к социалистическим преобразованиям. Согласно разработанной в трудах С.П. Трапезникова новой официальной схеме усилия партии, направленные на реализацию установок ленинского кооперативного плана, способствовали формированию в среде крестьянства предпосылок для дальнейшей перестройки сельской жизни. Развитие же капиталистических тенденций в нэповской деревне обусловило поддержку со стороны бедного и среднего крестьянства коллективизации и раскулачивания.

По мнению же главного идейного оппонента С.П. Трапезникова В.П. Данилова, капиталистические отношения в советской доколхозной деревне находились на раннем (мануфактурном) этапе своего развития. В силу этого осуществление социалистического преобразования сельского хозяйства имело свои издержки, а острота классовых борьбы в данном контексте (прямо об этом, разумеется, никто не говорил) выглядела ответной реакцией неподготовленного крестьянства. Дебаты историков вызывал и ряд более частных проблем: вопрос об ответственности за так называемые «перегибы», допущенные во время осуществления коллективизации, понимание социальной природы кулачества, общая оценка итогов «социалистического преобразования».

Для того чтобы охарактеризовать основные работы Н.Я. Гущина в контексте этих споров, необходимо учитывать два важных обстоятельства. Первое связано с тем, что работы С.П. Трапезникова второй половины 1950-х – 1960-х гг., вопреки распространенному сегодня мнению, отнюдь не повторяли положения «Краткого курса». В них историк расставлял акценты в соответствии с духом времени. Главное отличие заключалось в том, что он в качестве основного фактора «великого перелома» указывал на само крестьянство, тогда как в сталинской парадигме эта роль всецело отводилась партии¹. В силу этого работы Трапезникова

¹ В отличие от современных исследователей, это хорошо понимали мэтры из поколения историков-шестидесятников, в том числе и выступавшие в качестве идейных противников С.П. Трапезникова. Например, этот момент не единожды подчеркивал в своих работах и выступлениях И.Е. Зеленин. В своей последней книге он писал: «Впрочем, С.П. Трапезников, “маститый” историк-аграрник, воз-

независимо от уровня их аргументации вплоть до времени, когда они не обрели статус новой официальной концепции, также были частью идейного обновления историографии. Кроме того, нужно понимать, что к моменту выхода двух основных книг Н.Я. Гущина о коллективизации формирование альтернативной концепции советской аграрной истории было еще не завершено. Этот историографический факт следует отнести к концу 1970-х гг., когда увидели свет монографии В.П. Данилова по истории советской доколхозной деревни [11; 12]. Таким образом, можно заключить, что, даже не учитывая существования идейных противников историка в Новосибирске, Н.Я. Гушин писал свои книги о коллективизации в сложных условиях.

Его монография «Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне» стала одной из первых работ, рассматривающих раскулачивание с точки зрения задач новой исследовательской программы. В год ее выхода увидела свет и книга Н.А. Ивницкого на эту же тему, но основанная на материалах всего Советского Союза [13], а спустя несколько лет вышла работа ленинградского историка И.Я. Трифонова [14]. Именно эти научные труды и стали «тремя китами» историографии темы классовой борьбы в советской деревне. Поэтому есть смысл рассмотреть монографию Н.Я. Гущина в сравнении с трудами указанных авторов.

Как известно, монография Н.А. Ивницкого в свое время попала под удар критики в партийной печати. Сам ее автор впоследствии гордился этой критической рецензией, как медалью [15, с. 168–177]. Действительно, некоторые акценты им были расставлены в соответствии со взглядами историков-шестидесятников (в частности, расширялись хронологические границы применения политики раскулачивания и признавалась возможность его ненасильственного осуществления). Тем не менее его книга была традиционным (даже для того времени) институциональным исследованием аграрной политики партии. Спектр перечисленных задач в книге Н.Я. Гущина выглядел шире. Автора интересовала не только аграрная политика, но также экономические и социальные процессы, социальная структура и социальные отношения в советской деревне, социально-политическое сознание и формы активности крестьянства. Он даже подчеркивал, что «при освещении ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве деревни крестьянство часто изображается пассивным объектом приложения сил, не показывается рост сознательности и политической активности крестьян» [8, с. 32]. Это был сравнительно важный момент, демонстрирующий намерение автора выйти за рамки субъектного подхода, характерного для сталинской парадигмы. Моногра-

фия И.Я. Трифонова, в свою очередь, претендовала на обобщение накопленного опыта изучения политики советского государства в отношении «эксплуататорских классов», в силу чего в тексте чувствовалось влияние языка и духа советской социологии. Вследствие этих причин от двух первых работ она отличалась меньшей конкретностью.

Определенные различия имелись и в трактовке рассматриваемых историками более частных сюжетов. Так, Н.А. Ивницкий и Н.Я. Гушин, по сути, продемонстрировали две разные модели изложения предпосылок коллективизации и раскулачивания. У Ивницкого этот сюжет излагался с точки зрения нужд советского государства. Автор повторял известный тезис И.В. Сталина о невозможности развития крупной индустрии при господстве в стране мелко-товарного крестьянского хозяйства. На пути решения этой проблемы партия сталкивалась с сопротивлением кулачества [13, с. 37].

Н.Я. Гушин истоки раскулачивания видел в сфере социальных процессов, где, по его мнению, развитие капиталистических отношений вело к поляризации населения деревни на два противоположных класса. Взаимоотношения между ними он охарактеризовал как «социальную войну» [8, с. 68, 75]. Он считал, что особенно характерно это было для сибирской деревни, отличавшейся высокой товарностью сельского хозяйства, а соответственно и большим экономическим и политическим влиянием кулачества. В книге И.Я. Трифонова дано в некотором роде усредненное решение этой проблемы. С одной стороны, он отмечал существенное влияние социальных процессов, а с другой – концентрировался на изложении борьбы с кулачеством. Процесс раскулачивания во всех трех книгах описан относительно похоже, поскольку в них в той или иной степени воспроизведена схема советской официальной историографии. Однако если при этом Н.А. Ивницкий и И.Я. Трифонов основное внимание сосредоточили на описании различных административных акций советского государства, связанных с ограничением и ликвидацией кулачества, то в работе Н.Я. Гущина большее внимание было уделено характеристике форм «кулацкого сопротивления» (от вооруженных восстаний до антисоветской агитации) и методов работы бедняцко-советского актива.

Исходя из этого, Николай Яковлевич сделал вывод, вполне соответствовавший духу времени: «Ликвидация кулачества как класса была не административной мерой, а широким многомиллионным движением самих трудящихся масс деревни, руководимых рабочим классом» [8, с. 213]. Несмотря на явную одиозность этого заключения, именно предложенная историком модель позволяла более рельефно показать суть происходящего в деревне. Подробно рассмотреть формы крестьянского сопротивления другим языком и в иной системе идейных координат в советской науке того времени вряд ли было возможно. Причем самому исследователю интенсивность «кулацкого» протеста против коллективизации пришлось объяснять

главлявший при Л.И. Брежневе отдел науки ЦК КПСС, критиковал первую часть сталинского определения (имеется в виду формула «революция сверху при поддержке снизу». – Н.К.), поскольку инициаторами коллективизации, по его мнению, были «сами крестьяне», а партия лишь «поддержала их порыв» и «помогла в проведении конечной реконструкции сельского хозяйства» [10, с. 3].

историческими и социально-экономическими особенностями Сибири.

Еще один аспект, в котором работа Н.Я. Гущина отличалась от трудов Ивницкого и Трифонова, – это контекстуализация. Заключительные разделы книг последних представляли собой скорее формальный эпилог, содержащий набор сравнительно общих сентенций о росте классовой борьбы в ходе социалистического строительства, уничтожении эксплуатации человека человеком, превращении единоличного крестьянства в колхозное и т.п. Они интересны лишь постановкой акцентов².

В отличие от них, заключение книги Гущина являлось составной частью его исследования, где автор дал характеристику двух важнейших проблем. Прежде всего, конкретные выводы своей работы Николай Яковлевич сделал в контексте эволюции социального строя советской деревни. При этом он не ограничился констатацией факта превращения единоличного крестьянства в колхозное, но фиксировал и другие изменения. В частности, Н.Я. Гушин отмечал, что сосредоточение аграрного производства в колхозах частично освобождало от участия в сельскохозяйственном труде некоторых жителей деревни и тем самым способствовало появлению сельской интеллигенции как специфической социальной группы. Еще одно наблюдение касалось того, что коллективизация вела к профессионализации сельскохозяйственного труда. В среде крестьянства постепенно формировались группы трактористов, комбайнеров, механиков, шоферов и др. Итогом этих процессов, по мнению исследователя, стало постепенное стирание различий в социальной структуре между городом и деревней [8, с. 265–267]. Важно отметить, что все эти социальные изменения описывались автором практически как самодетерминируемая реальность.

Таким образом, объектные установки исследовательской программы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в книге Н.Я. Гущина явно доминировали над пафосом борьбы партии за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Вторая проблема, о которой писал историк, – это региональные особенности процесса коллективизации в Сибири. На самом деле для автора этот сюжет имел огромное значение. С помощью региональных особенностей Н.Я. Гушин маскировал отличия своей трактовки как от официальной, так и от формирующейся тогда альтернативной концепции коллективизации. Бурное развитие кооперативных и капиталистических форм хозяйствования

в деревне накануне коллективизации он объяснял мощным экономическим потенциалом Сибири, а массовость и активность крестьянского протеста силой и влиянием местного кулачества. Немногим позже эти же выводы Николай Яковлевич повторил в своей фундаментальной монографии «Сибирская деревня на пути к социализму», ставшей своего рода height-версией предшествующей работы [16]. Исходя из сказанного, не будет преувеличением заключить, что эти работы Н.Я. Гущина стали самым амбивалентным нарративом по отношению к советской аграрной историографии 1960–1970-х гг., в котором в равной мере отразились достижения и недостатки данного направления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов И.С. Аграрно-исторические исследования Н.Я. Гущина в контексте общественно-политической и научной жизни второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири. Новосибирск, 1997. С. 8–15.
2. Кузнецов И.С. Н.Я. Гушин: человек, гражданин, ученый // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 3–13.
3. Ильиных В.А. Методы и содержание одной из «научных» дискуссий конца 1960-х гг.: Ф.С. Пестриков и А.Н. Резниченко против Н.Я. Гущина // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 14–33.
4. Кондрашин В.В. Историки-аграрники России XX – начала XXI в.: творческий путь и международное сотрудничество. Прага, 2014. 198 с.
5. Гушин Н.Я. Новая экономическая политика Коммунистической партии Советского Союза и ее значение в построении социализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954. 14 с.
6. Гушин Н.Я. Монография о зерновой проблеме в СССР // История СССР. 1967. № 6. С. 175–177.
7. Гушин Н.Я., Демидов В.А., Куперт Ю.В. Книга о коллективизации сельского хозяйства в Западной Сибири // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Томск, 1968. Вып. 4. С. 50–57.
8. Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Курс лекций, прочитанных в Новосибирском университете. Новосибирск, 1972. 289 с.
9. Науменов Н.В. Социально-экономические и культурные преобразования в СССР в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.). Проблемы отечественной историографии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 42 с.
10. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. 315 с.
11. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. 319 с.
12. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. 359 с.
13. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.) М., 1972. 360 с.
14. Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. 408 с.
15. Ивницкий Н.А. Трудный путь в науку: автобиографические заметки. М., 2013. 279 с.
16. Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 518 с.

REFERENCES

1. Kuznetsov I.S. N.Ya. Gushchin's agrarian-historical studies in a context of political and scientific life of the second half of the 1960s –

² Например, Н.А. Ивницкий, сравнивая опыт коллективизации в СССР с ее осуществлением в странах народной демократии, как бы ненароком отмечал, что там этот процесс протекал без излишнего насилия, а кулаки были приняты в колхозы на определенных условиях [13, с. 352]. В среде ревизионистов советской аграрной истории это был известный аргумент, бросающий тень на сталинские методы осуществления «революции сверху». И.Я. Трифонов, напротив, писал, что «ликвидация эксплуататорских классов в других социалистических странах полностью подтвердила всеобщий универсальный характер основных закономерностей строительства социализма» [14, с. 398].

early 1970s. *Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiya Sibiri*. Novosibirsk, 1997, pp. 8–15. (In Russ.)

2. Kuznetsov I.S. N.Ya. Gushchin: a person, citizen, scientist. *Sibirskaya derevnya: problemy istorii*. Novosibirsk, 2004, pp. 3–13. (In Russ.)

3. Il'inykh V.A. Methods and content of a “scientific” discussion in the late of 1960s: F.S. Pestrikov and A.N. Reznichenko against N.Ya. Gushchin. *Sibirskaya derevnya: problemy istorii*. Novosibirsk, 2004, pp. 14–33. (In Russ.)

4. Kondrashin V.V. Historians-agrarians of Russia in the XX – early XXI centuries: career and international cooperation. Prague, 2014, 198 p. (In Russ.)

5. Gushchin N.Ya. A new economic policy of the Communist party of the Soviet Union and its role in socialism construction: dis. abstr. Leningrad, 1954, 14 p. (In Russ.)

6. Gushchin N.Ya. A monograph on a grain problem in the USSR. *Istoriya SSSR*. 1967, no. 6, pp. 175–177. (In Russ.)

7. Gushchin N.Ya., Demidov V.A., Kupert Yu.V. A book on agricultural collectivization in West Siberia. *Sbornik rabot aspirantov kafedry istorii KPSS*. Tomsk, 1968, vol. 4, pp. 50–57. (In Russ.)

8. Gushchin N.Ya. The class struggle and liquidating kulaks as a class in the Siberian village (1926–1933): lectures read in Novosibirsk State University. Novosibirsk, 1972, 289 p. (In Russ.)

9. Naumov N.V. Social, economic and cultural transformations in the USSR in pre-war five-year plan periods (1928–1941): the national historiography problems: dis. abstr. Moscow 2004, 42 p. (In Russ.)

10. Zelenin I.E. Stalin’s “revolution from above” after the “great crisis”. 1930–1939: a policy, realization, results. Moscow, 2006, 315 p. (In Russ.)

11. Danilov V.P. The Soviet village before collective farms: population, land tenure, economics. Moscow, 1977, 319 p. (In Russ.)

12. Danilov V.P. The Soviet village before collective farms: social structure and social relations. Moscow, 1979, 359 p. (In Russ.)

13. Ivnitkiy N.A. The class struggle in village and liquidating kulaks as a class (1929–1932). Moscow, 1972, 360 p. (In Russ.)

14. Trifonov I.Ya. The liquidation of exploitative classes in the USSR. Moscow, 1975, 408 p. (In Russ.)

15. Ivnitkiy N.A. A difficult way to science: autobiographical notes. Moscow 2013, 279 p. (In Russ.)

16. Gushchin N.Ya. Siberian village on its way to socialism (social and economic development of the Siberian countryside in the years of the national economy socialist reconstruction (1926–1937). Novosibirsk, 1973, 518 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 19.07.2018